

P2
A98

2/3

ВЕНИАМИН АЩЕУЛОВ

ЗЕМЛЕПРОХОДЦЫ

16/5 - (31 мая).

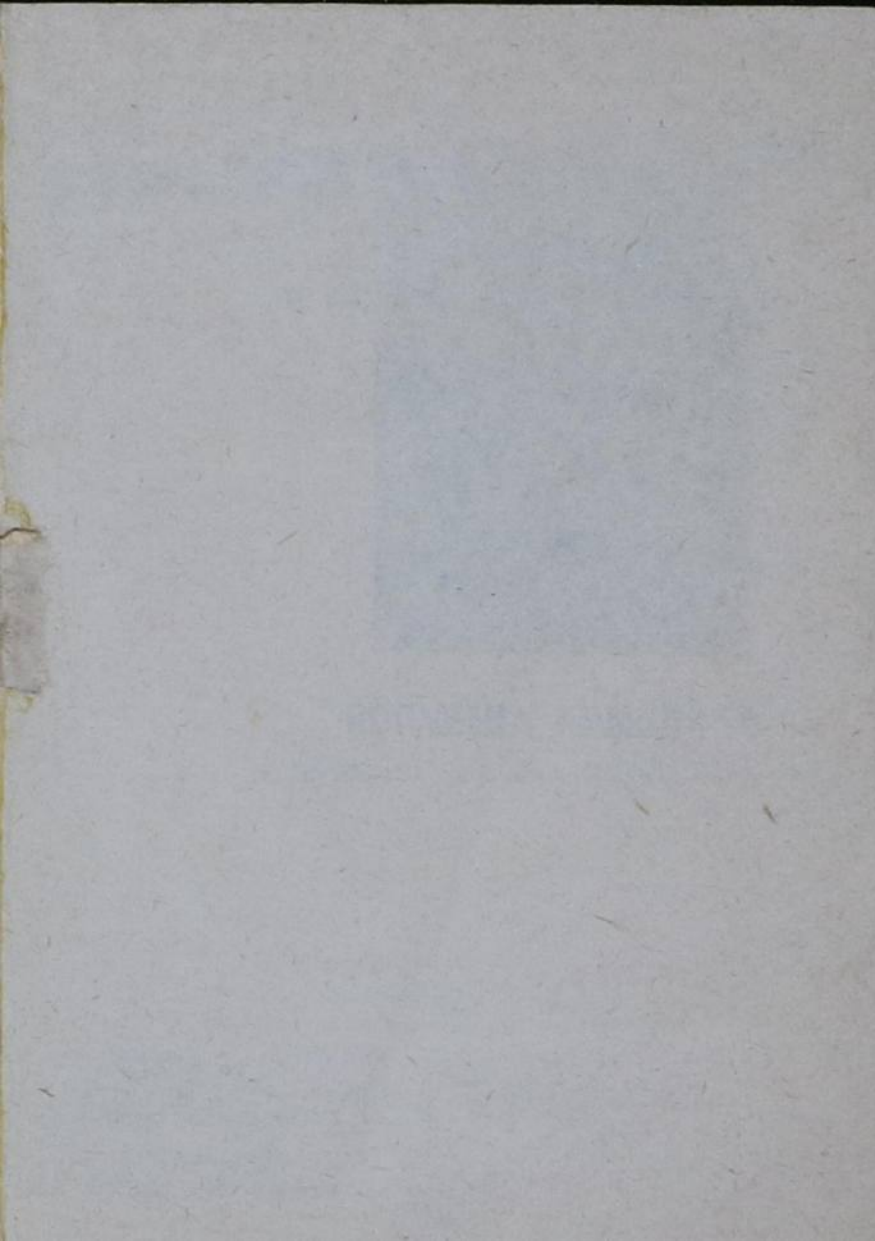
23/2 - 524

23/3 - 284

10/9 - 30

12/31

3 TMO T. 360000 3, 1650-91

ВЕНИАМИН АЩЕУЛОВ

ЗЕМЛЕПРОХОДЦЫ

СТИХИ

Ставропольское книжное издательство - 1972

ГОРОДСКАЯ
БИБЛИОТЕКА № 10
г. Ставрополь

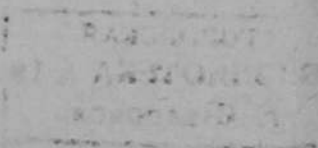
18274

ad

2/3

P 2
A 98

7-4-2

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

РОДИНА

Бывало в детстве: выйду я за хутор —
Жнивье,

стога,

а за речушкой — лес.

И журавли плывут в прохладе утра

Куда-то вдаль,

должно быть,

в край чудес.

Прошли года.

Солдатские дороги

Меня по многим странам провели.

Но снились мне

в любом краю далеком

Над русскими лугами журавли.

Нас оглушил

ударом огневым.

Он бил, да так,

что впору хоть рассейся

Иль ринься вспять —

летающим пулям вслед.

Но все

сильней,

все жарче

жег мне сердце,

Взывая к долгу,

партбилет.

И, пряча страх, я полз и полз упрямо.

А шквал огня

все гуще нависал.

И замерли бойцы.

Вдруг вижу:

прямо

Передо мною вырос комиссар.

И, как взрывной волной,

охрипший голос

Меня поднял

и бросил напрямик.

И в тот же миг

проверещал осколок

И, смолкнув, комиссар

к земле приник.

К земле,

что пядь за пядью брали с боем,

К земле,

что завещала: «Береги!»

И он лежал,

прикрыв ее собою,

Лежал и слушал

всей своей судьбою

Мои окрепшие шаги.

ГОРЯТ ХЛЕБА

Дрожат хлеба
от орудийных вспышек
И шепчут слово страшное:
«Война!»

Горят хлеба.
Горят
и жарко дышат,
Не понимая,
в чем же их вина?
А мы идем туда,
где канонада
Вздымает клубы пыли и золы.
Голодные,
с горящей нивой рядом,
Браним нерасторопные тылы.
А на душе —
как тяжеленный камень
От скорбного призыва:
«Помоги!»

Колосья
обожженными руками,
Склонясь, хватают нас
за сапоги.

ПРИФРОНТОВАЯ ПОЛОСА

Есть фронт

и тыл.

Есть гибель

и бессмертье.

Есть в жизни

и другие полюса.

И есть еще

на этом белом свете

Прифронтовая полоса.

...Вдали шел бой,

там полыхало зарево.

Там грохотали дымные леса.

А здесь

боялись громко разговаривать —

Прифронтовая полоса.

На спинах индевела

соль от пота.

Все глуше

и все реже голоса.

Мы жадно пили жижу из болота —

Прифронтовая полоса.

На нас бросали

бомбы многотонные —

Порой виски седели у юнца.

Под нами дыбились в ночи

мосты понтонные —

Прифронтовая полоса.

Прифронтовая...

Зубы сжав до боли

И охлаждая
 угли губ росой,
Мы шли,
 как смерти в пасть,
 в горнило боя,
Что громыхал
 за этой полосой.
И верно бы иссякли наши силы
И кости поросли
 полынь-травой,
Когда б не шла за нами вслед
 Россия
По этой
 полосе прифронтовой.
Да, нелегко нам дался
 час возмездья,
Когда искрилась радужно роса,
Когда, казалось,
 будто бы исчезла
Прифронтовая полоса.
И я твердил,
 как реквием,
 стократно:
«Жаль до победы
 дожили не все!»
Но не померкнет в жизни
 подвиг ратный,
Что креп и рос
 на этой полосе.
Есть фронт
 и тыл.
Есть гибель
 и бессмертье.
И неразрывны эти полюса,
Все оттого,
 что есть на белом свете
Прифронтовая полоса.

МОЯ МНОГОСТРАДАЛЬНАЯ...

*Матери моей
Елене Ефимовне*

Моя многострадальная,
Любимая и нежная...
Моя дорога дальняя —
Твоя тоска безбрежная.
Моя удача верная,
Мое благополучие —
Твоя мечта безмерная,
Твоя надежда лучшая.
Ты в бедах несгибаема,
В нужде всегда ты щедрая.
Лишь одного не знаю я,
Откуда силы черпала!
Твою судьбу несладкую
Не награждали ласками.
Была ты и солдаткою
И матерью солдатскою.
Ты не прошла окольною
Тропой

 в грозу великую.
И письма треугольные
Хранила, как реликвии.
А в вечера тревожные,
Когда дела не ладилась,
Руками осторожными
Их не читая гладила.

И уходила думами
В мои окопы дымные,
И все, о чем ты думала,
Все шло ко мне, родимая.
Пока я стал мужчиною,
Походами проверенным,
Лицо твое морщинами
Покрылось преждевременно.
Выходит, что с тревогами,
С опасностью и риском я
Прошел своей дорогою
Сквозь сердце материнское.
Несешь ты груз усталости,
Чтоб сил я не утрачивал.
Перед твоею старостью
В долгу я неоплаченном!

БАЛЛАДА О МУЗЫКАНТСКОМ ВЗВОДЕ

Вот и час настал —
Муза сердце рвет!
Я не зря вращал
В музыкантский взвод.
Здесь своя судьба.
Каждый горд собой.
На стене — труба.
У стены — гобой.
Барабан в углу
В легкой копоти.
До поры он глух
И безропотен.
На столе — кларнет,
Знаки нот рябят.
Лучшей доли нет,
Чем у тех ребят!
Им бы в небе плыть
Вольной птицею,
Да нельзя отбыть —
Репетиция.
Им бы в море быть
С их волнением,
Да нельзя отбыть —
Построение.
А как станут в ряд —
Стать былинная.

И глаза горят —
Соколиные.
А как хлынет звук —
Душу радует!
Все замрет вокруг
Под рулады их!
Пусть гроза кругом —
Не заглушишь их.
И смолкает гром,
Марши слушая.
— Здесь греметь —
Не сметь, —
Боги молвили, —
Здесь ликует медь
В ярких молниях!
Что ни звук — удар
Прямо по сердцу.
В заревую даль
Сердце просится.
Где за строем — строй —
Только пыль окрест,
Где душа порой —
Духовой оркестр!
А в другой дали
Было разное.
Не они ль вели
Бой под Вязьмою.
Их не старили
Грозы, версты ли.
Санитарили
И медсестрили.
В канонадные
Дни с уронами —
И в команды шли
Похоронные.
И не раз штабы
Караулили.

А на зов трубы —
Вновь под пулями.
Не они ль собой
Зорькой раннею
Поднимали в бой
Горстку раненых!
Пели трубы их
Огнедышаще.
Пали трупами
Вражьи тысячи.
И не их ли враг
Зло допрашивал,
Где зажат кулак
Войска нашего!
И не их ли медь,
Когда меч навис,
Презирая смерть,
Пела ненависть!
Жаль, про тех ребят
Песнь не сложена.
Лишь кусты шумят
Придорожные.
Да большак пылит
От полка окрест,
Да во всю гремит
Полковой оркестр!

Великий русский

СОЛДАТСКИЕ СНЫ

Я ощущаю вновь наплыв весны,
Я чувствую,
как набухают ветки.

А по ночам
в мои приходят сны

Друзья,
что не вернулись из разведки.

И я во тьму кромешную кричу.
Кричу всюду,

но только звука нету.
Я будто глобус,

шар земной верчу,
Обшариваю каждый метр планеты.

И вдруг в тумане вижу
бледный лик...

Узнав себя,
я в страхе отступаю.

И вырывается из горла крик,
И я в поту холодном просыпаюсь.

Стучат часы.
В квартире — тишина.

Безумствует весна за шторой белой.
И долго смотрит на меня жена

Недоуменно,
оробело.

— Прости, —
я говорю ей тихо, —

сны:

Товарищи приснились по разведке.

И, распахнув окно

в разлив весны,

Я слушаю,

как набухают ветки.

ОТЦУ

Я вижу вновь
ночлег наш под телегой.
В низинах росных
стынет полумгла,
В сторонке бродит
наш коняга пегий
И «спать пора»,—
твердят перепела.
Но мы не спим.
Мы вслух с тобой мечтаем —
Как равные,
тревожно,
по-мужски.
А рядом зыбко
тишину шатают
Ночных цикад
незримые смычки.
Над нами
ярко звезды полыхают
И падают,
сгорая на лету.
И оттого, что звезды
потухают,
Мне страшновато
за мою мечту.
А между тем
твой сказ
от нив и пашен
В неведомую даль ведет меня.

И я уж вижу,
 как в телегу нашу
Ты запрягаешь буйного коня.
Мне думалось:
 наш конь развеет гриву
И смелой птицей
 взмает в облака.
И поплывет передо мною диво,
Что виделось Ивану
 с Горбунка.
Но обернулось
 далеко не сказкой
Все то, что мы
 зовем своей судьбой.
Смотреть на мир
 пришлось мне
 из-под каски,
Пыля дорогою,
 ведущей в бой.
Меня не раз
 бросала жизнь в атаку —
На острие кинжального огня.
И, верно,
 к неизведанному тяга
Уберегла
 от гибели меня.
Пускай тебя в живых давно уж нету,
Пускай под облака
 не взмыть коню,
И ночь,
 и звезды,
 и телегу эту,
Как вехи
 на пути к добру и свету,
Я благодарно в памяти храню.

* * *

В ночи я слышу конский топот,
Глухое карканье ворон.
Необозримым черным скопом
Ползут враги со всех сторон.
И вот уж Русь, огнем объята,
В смертельном страхе замерла.
Лишь гулко стонущим набатом
Гудят, гудят колокола.
А я, всем сердцем ощущая
Времен нервующую нить,
Мечусь, бессилен до отчаянья
Хоть что-то в прошлом изменить.
Но по наследственному праву
Мне полномочия даны —
Стоять на страже переправы,
Где были
с мечтою сведены.
И может, потому все силен
Я на охранном берегу,
Что перед болью всей России, —
Как в неоплаченном долгу.

ПРЕКЛОНЕНИЕ

По мотивам похода Святослава

1.

Гулких бил мелодии
На ветру.
Уплывают лодии
По Днепру.
От злат-Киев-города —
На врага.
От печали горбятся
Берега.
С трав, как слезы, сыплется
Стынь-роса.
В синей дымке зыбятся
Паруса.
Как под ветром клены,
Млад и сед,
Смотрят преклоненные
Лодьям вслед.

2.

Тайно скрылась луна за тучами,
Как лазутчик в слепых кустах.
Разбросались тела могучие
Под защитой своих застав.
Спят усталые, спят бредовые.
(Стонет выпь из глухой дали).

Обнимая мечи пудовые,
Вои спят на краю земли.

Глянул князь на дружину спящую,
С коей спился, навек сроднясь.
И во славу отцов и пращуров
Поклонился дружине князь.

3.

Едва заря своим крылом
Махнула над равниною,
Пошла дружина напролом
На ворога лавиною.
Навстречу ринулись

в пыли

Враги, гремя кимвалами,
Запели стрелы, как шмели,
Над воями бывалыми.
И вот слились в единый бой
И конные, и пешие,
Да так, что небо
Пред собой

узрев тот бой,

опешило,

А вои падали в бою
И вновь дрались,

порубаны,

За землю горькую свою,
За отчий край поруганный.
Была в бою подобна льву
Дружина Святославова.
И враг склонил свою главу
Пред Святослава
славою!

ЗЕМЛЕПРОХОДЦЫ

Таежный край,
ты весь в огнях,
в зарницах.
За все твои дела —
поклон земной.
А в старину
ты был, как за границей,
Глухой
и неразгаданной страной.
Ты звал
золотоносными песками.
В глазах купцов
искрился твой ясак.
Но вглубь шагнуть,
перевалить за Камень,*
В ту пору мог отважиться
не всяк.
И он стоял —
тот камень, —
как на страже
Всего, что ты
в глуши своей таил.
Ты охлаждал нередко
пыл бродяжий
В тех,
кто тянулся
к таинствам твоим.

* Камень, или Серый Камень — так в старину называли Урал.

И все ж, в душе переборов тревогу,
С мольбой: «Во имя сына и отца...»
Кидались бесшабашно в путь-дорогу
Землепроходцы — русские сердца.
Шли многие, навек в безвестье канув,
Сквозь бурелом, сквозь чащи —
напролом.
И прорубали окна к океану
В буквальном смысле топором.
Откуда в них бралась такая сила!
И что за божья искра в них жила!
В том даже их родная мать —
Россия
Порою разобраться не могла.
Ужель нажива их вела за горы!
Ужель слепая тяга к ясаку!
Хотелось распахнуть души затворы,
И выйти на просторы мужику.
И как не поклониться тем
немногим,
Что над тайгой развеяли туман,
Когда покорно кланялся им в ноги
Своей волной Великий океан!

БАРАК

Уходит в историю
слово «барак»,
Подобно тому,
как с путей — буераки.
Я жил в том бараке
среди пьянок и драк,
Мечтой очищая
жизнейскую накипь.
Наверно, я мог бы
хоть что-то понять,
Когда бы в тех драках
делили пожитки.
Откуда мне было ту истину знать,
Что это не люди дрались —
пережитки.
Я был неразумен,
а попросту мал,
Скорей не по сути,
а ради рисовки
И сам, хорохорясь,
не раз принимал
Участье посильное
в тех потасовках.
Но вот сообща
подстрекателей драк
Вязали
и тут же валили их на пол.
И в благостный сон
погружался барак,

ИЩИ СЕБЯ

Ищи себя,—

мне говорят с пеленок.

А где себя искать —

не говорят:

Или в краях, не очень отдаленных,

Или в мирах, что звездами горят!

Я исходил почти что полпланеты

И недовольный поиском —

ропщу.

А что, если меня такого нету,

Которого неистово ищу!

Где взять,

где отыскать мне эти свойства,

Чтобы служили компасом в пути!

А может быть,

вот это недовольство

И есть все то,

что надо мне найти!

• • •

Да, я, друзья, романтик по природе,
И в этом я природу не виню.
Романтика на свет меня выводит,
В какую б ни попал я западню.

И если жизнь, суля удел убогий,
Меня прижмет к стене своим плечом,
В себе самом я выдумаю бога
И черт не черт, и дьявол нипочем!

* * *

В шумном городе моем
Все снега растаяли.
Площадь — будто водоем
С облачными стаями.
Солнце из-под каблука,
В голове кружение,
Не пойму, где облака,
Где их отражение!

• • •

Да, весна,
Как во сне.
Даль ясна.
Тает снег.
Облака —
Обласа,
Распустив паруса,
Все плывут,
Что года.
Вы откуда!
Куда!
Но немы
Облака —
Неземные пока.
Их достать —
Не с руки,
Как мечта,
Высоки.
И тихи,
Как стихи,
Что до срока
Глухи.
Не спеши.
Подожди.
Вот прольются
Дожди.
И тогда,
Что года,
Хлынет в реки

Вода.
Хлынут реки
В моря,
Зорьним светом
Горя.
И поднимет
Заря
Всех надежд
Якоря!

Я ВЫШЕЛ В СТЕПЬ...

**В душе копилось хмурое ненастье,
Как будто за тобой брела беда.
Но вышел в степь, распаханную настезь,
И от беды — ни тени, ни следа.**

**Поля веселой роздымью синели
И звали за далекий перевал.
Кругом хлеба стояли и звенели,
Как будто гусли кто перебирал.**

• • •

Все, как в прочитанном романе...

Мы двое в комнате

в грозу.

Тяну платок я из кармана,

Чтоб утереть твою слезу.

Мне так хотелось не поверить,

Что ты растаяла в ночи.

...С тех пор все жду я

стука в двери,

А сам боюсь,

что постучишь.

• • •

Я уселся в холодке
Под ветвистым тополем.
Слышу:

где-то вдалеке
Каблучки затопали.
И, как видно, неспроста
Сердце вновь заекало,
Будто ты,

моя мечта,
Не вдали, а около.
Но недолго дробный стук
Тешил ожидание.
Как огонь в ночи, потух
За соседним зданием.
И всю радость,—
как рукой...

В сердце — боль и жжение.
Ведь не я,

совсем другой
Ждал их приближения.
Отчего же каблучки
Душу мне встревожили?
И те дни,

что далеки,
В сердце снова ожили?
Отчего!..

Смолчи, душа.
Утаи мечту мою.
И пускай себе спешат —
Я о них не думаю!

• • •

Заблудилась в дальних плесах,
Болью глубока,
Убегающая в просинь
Песня рыбака.
То растает за излучкой,
То вернется вновь —
Оскорбленная разлукой
Гордая любовь.
Бьется в берега уступы,
Сушит камыши.
Даже росы не остудят
Жар ее души.
И до самого рассвета
Бредит свет луны.
Ни привет, ни ответа —
Только всплеск волны.

. . .

Старушка
Кукушку
Пытает: «Скажи,—
Как долго, кукушка,
Осталось мне жить!»
Кукушка тоскливо
Кричит и кричит...
«Лесная брехушка!» —
Старушка ворчит.

Влюбленная юность
Под сводом леска
Блуждает —
И что ей
Кукушки тоска.
Девчонка судьбу
Доверяет свою
Поющему звонко
Всю ночь
Соловью!

По-бурлацки журавли
Тянут лето к югу...

А. Екимцев.

Завидую птицам —
В сиянье земли
Поют
И не знают печали.
Но отчего же
Вдали
Журавли
Всю ночь
Так печально кричали!
Ну, что им печалиться —
Взмыл высоко
Над грешной землею —
И странствуй!
Как видно, и птицам
Тянуть нелегко
В тот путь,
Что пролег
Далеко-далеко,
До боли родные пространства!

• • •

Слышал я:

 будто бы подранок,
В полете описав дугу,
Туда стремится,

 как ни странно,
Где грянул выстрел на лугу.
Не потому ли,

 счастье выстрадав,
Тянусь я мысленно туда,
Где в душу с болью,

 как от выстрела,
Вошла нежданная беда.

* * *

И скамейка пуста.
И дорожки пусты.
И последние листья
Роняют кусты.
Тишина,
Как в пустыне.
Слышны шумы в виске.
И в отчаяньи стынет
Чей-то след на песке.

• • •

Жизнь так устроена:

то ведро,

то ненастье.

С несчастьем рядом

счастья торжество.

Но прикажи явиться всем несчастным

На сборный пункт...

И что ж!—

Ни одного!

* * *

Как мы нелепы в доброте своей...
Порой
 пороки слабых прикрывая,
По существу
 мы шлюзы открываем

Потокам,
 что мутнее и мутней.
А в горький час душевного раздора,
Уже с печальной совестью вдвоем,
Глядим на помутневшие озера,
Как на бессилие свое.

• • •

Любит жизнь устраивать экзамены
Не успевшим крылья обрести:
То закроет путь слепою заматью,
То пошлет по ложному пути.

И лишь только испытав порядком,
Дарит им упругие крыла
И отводит взлетную площадку,
Что совсем поблизости была.

ЧТО-ТО СЕРДЦЕ БОЛИТ...

Что-то сердце болит...

Неужели ты, сердце, устало!

Что-то сердце болит...

И все чаще смотрю я в себя.

Иль до срока сигналишь, мой друг,

что близка уже старость

И к закату идет

наша песня

и наша судьба.

Что-то сердце болит...

И растет, и растет в нем тревога.

Что-то сердце болит...

И все глубже по людям тоска.

А вдали все пылит,

выплывая из детства,

дорога

И бежит, и бежит

от леска до другого леска.

Что-то сердце болит,

что-то сердце отчаянно бьется,

Будто боль всей России

на откуп ему отдана.

Неужели однажды оно,

как струна,

оборвется,

И настанет кругом

тишина,

тишина,

тишина!

Мне посмертных наград,
жизнь,
скажу тебе честно,
не надо.

Сохрани до конца
эту боль неумной души!
Ну, а час мой пробьет,
одари соловьиной наградой,
Как прощальным салютом,
стозвонно меня оглуши.

РОЖДЕНИЕ ПЕСНИ

В лугах осенних
Рассветной ранью
Идет Есенин,
Тоскою ранен.
И взглядом нежным
С голубизною
Глядит в безбрежье
Свое родное.
Запеть бы песню,
Да не поется.
А даль, как в детстве,
Звения,
смеется.

А даль все кличет,
В дымках расстаяв,
Журавль курлычет
Вдали от стаи.
Чего ты кружишь
С тоской по кругу!
Ведь стая дружно
Свернула к югу.
Осиль бессилье,
Усиль отвагу,
В безбрежье синем
Не место слабым!
И в сердце мыслью
Как искру высек
И устремился
Куда-то в выси.

Душой рванулся
В синь поднебесья
И захлебнулся
Наплывом песни!

СОЛОВЬИНЫЕ ЗОРИ МОИ

Вновь глядят из-под снега проталины,
По низинам струятся ручьи.

И встают

за минувшими далями

Соловьиные зори мои.

И опять синева поднебесная

Надо мной расплескалась, мая.

И душа наполняется песнею,

Поднимая на крыльях меня.

Все смеется.

Искрится.

Пенится.

На душе —

Ни беды,

ни тоски.

И любовь,

что томилась пленницей,

Распускает свои лепестки.

И лечу я,

как в годы прежние,

В тот рассвет,

где звенят соловьи.

И в душе полыхают безбрежные

Соловьиные зори мои.

СОДЕРЖАНИЕ

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Родина	6
Стихи о комиссаре	7
Горят хлеба	9
Прифронтная полоса	10
Ротная душа	12
Моя многострадальная	15
Баллада о музыкантском взводе	17
Солдатские сны	20
Отцу	22
«В ночи я слышу конский топот...»	24
Преклонение	25
Землепроходцы	27
Барак	29

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Ищи себя	32
«Да, я, друзья, романтик по природе...»	33
«В шумном городе моем...»	34
«Да, весна...»	35
Я вышел в степь...	37
«Ты ворвалась в пальто распахнутом...»	38
«Все, как в прочитанном романе...»	39
«Я уселся в холодке...»	40
«Заблудилась в дальних плесах...»	41
«Старушка кукушку пытается: «Скажи...»	42

«Завидую птицам...»	43
«Когда гнетет нас духота...»	44
«Слышал я: будто бы подранок...»	45
«По-над рекой костры горят рыбацьи...»	46
«И скамейка пуста...»	47
«Жизнь так устроена...»	48
«Как мы нелепы в дсброте своей...»	49
«Любит жизнь устраивать экзамены...»	50
«Качает океан свои валы...»	51
Что-то сердце болит...	52
Рождение песни	54
У подножья Машука	56
Соловьиные зори мои	57

Р 2
А 98

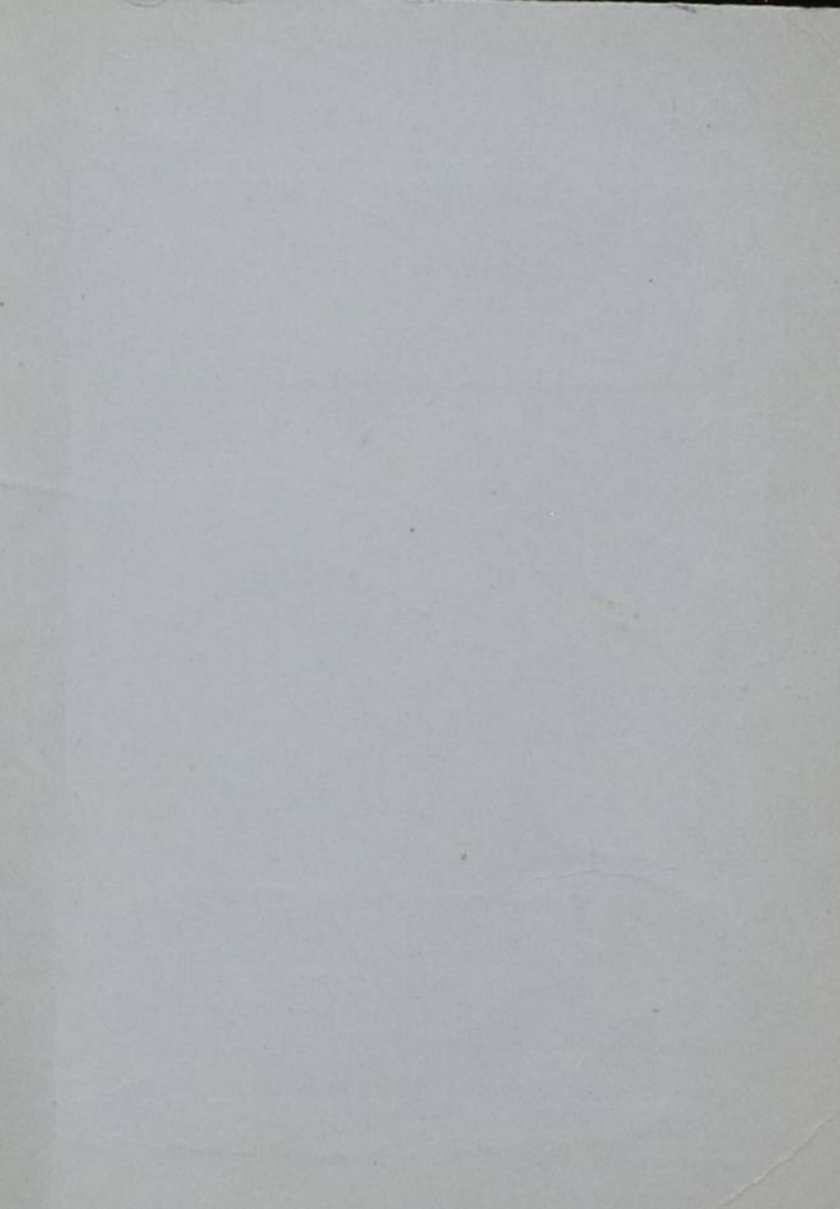
Ащеулов Вениамин Абрамович:

ЗЕМЛЁПРОХОДЦЫ. Стихи.

Ставрополь, Кн. изд., 1972.
60 с.

Редактор В. Колесников.
Художник В. Додэ.
Худож. редактор Г. Говорков.
Техн. редактор Т. Стеблянко.
Корректор З. Кулиш.

Сдано в набор 2-III-72 г. Подпи-
сано к печати 18-VII-72 г. Бумага
60×90^{1/8}. Типографская №1. Объ-
ем: 1 физ. л.; 1,875 усл. л.; 1,63
уч.-изд. л. Цена 18 коп. Тираж
5000. Зак. 2098. ВГ 88138.
Краевая типография,
г. Ставрополь, ул. Артема, 18.

18 коп.

44

СТАВРОПОЛЬСКОЕ
КНИЖНОЕ
ИЗДАТЕЛЬСТВО 1972